

СКРЫТЫЕ УЛИКИ

**СБОРНИК
ИСТОРИЧЕСКИХ
ДЕТЕКТИВНЫХ
РАССКАЗОВ**

**НИКОЛАЙ СВЕЧИН
АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ
АНТОН ЧИЖ
ВАЛЕРИЙ ВВЕДЕНСКИЙ
АНДРЕЙ ДОБРОВ
ИВАН ПОГОНИН
ИВАН ЛЮБЕНКО
ЕФИМ КУРГАНОВ
ЮЛИЯ АЛЕЙНИКОВА**

КОЛЛЕКЦИЯ
ДЕТЕКТИВНЫХ
РАССКАЗОВ

Золотая коллекция детективных рассказов

Антон Чиж

**Скрытые улики.
Сборник исторических
детективных рассказов**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чиж А.

Скрытые улики. Сборник исторических детективных рассказов / А. Чиж — «Эксмо», 2017 — (Золотая коллекция детективных рассказов)

ISBN 978-5-699-95227-4

В первую книгу сборника «Золотая коллекция детективных рассказов» включены произведения в жанре исторического детектива. Николай Свечин, Антон Чиж, Валерий Введенский, Андрей Добров, Иван Любенко, Сергей и Анна Литвиновы, Иван Погонин, Ефим Курганов и Юлия Алейникова представляют читателям свои рассказы, где антураж давно ушедшей эпохи не менее важен, чем сама детективная интрига. Это увлекательное путешествие в Россию середины XIX – начала XX века. Преступления в те времена были совсем не безобидными, а приемы сыска сильно отличались от современных. Однако ум, наблюдательность, находчивость и логика сыщиков и тогда считались главными инструментами и ценились так же высоко, как высоко ценятся и сейчас. Далее в серии «Золотая коллекция детективных рассказов» выйдут сборники фантастических, мистических, иронических, политических, шпионских детективов и триллеров.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95227-4

© Чиж А., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Николай Свечин	7
Антон Чиж	17
Валерий Введенский	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Свечин, Антон Чиж, Юлия Алейникова и др Скрытые улики (сборник)

- © Свечин Н., 2017
- © Чиж А., 2017
- © Введенский В., 2017
- © Добров А., 2017
- © Литвинов С., Литвинова А., 2017
- © Любенко И., 2017
- © Погонин И., 2017
- © Курганов Е., 2017
- © Алейникова Ю., 2017
- © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Николай Свечин Шел по улице малютка...

Начальник Нижегородской сыскной полиции статский советник Благово сидел в кабинете и обижался. 24 декабря 1880 года, навечерие. Завтра Рождество! А из Петербурга получен приказ по МВД о наградах, и в нем сыщик отсутствует... Между тем губернатор еще месяц назад известил Павла Афанасьевича, что послал на него представление к Аннинской ленте. Обошли столичные бюрократы! Посмеялись и вычеркнули.

Из приемной донесся знакомый голос – это пришел Лыков. Титулярный советник, богатырь и помощник начальника сыскного отделения был чем-то возбужден. Благово Лыкова любил и терпеливо растил из обалдую своего преемника. Алексей явился кстати. Нужно было выместить на ком-то раздражение за неполученную ленту, и Лыков для этого годился. Статский советник вздохнул, поднялся и вышел в приемную. Хотел уже сказать что-то язвительное, но осекся. Посреди комнаты стоял мальчик лет пяти-шести, бледный от холода, с испуганными затравленными глазами. Он был одет в добротную кроличью шубку с теплым башлыком и маленькие валеночки с галошами. Несколько сыскных агентов столпились вокруг и пытались разговаривать малыша, но тот косился на дверь и молчал. Алексей протянул парнишке стакан горячего чая в подстаканнике.

– На, выпей! Замерз ведь...

Но тот отбежал в угол и стал там, готовый в любой момент зареветь.

– Кто это? – изумился Благово. – И кто его привел?

– Здравствуйте, Павел Афанасьевич! – ответил Лыков. – С наступающим вас! Вот. Иду на службу, а он сидит.

– Где сидит?

– На тумбе, не доходя Варварской церкви. Один, весь иззябший, и плачет тихонечко. Мимо люди проходят, крестятся и отворачиваются. Иной встанет, спросит – и отойдет.

– Зачем ты сюда-то его привел? Посмотри: хорошо одет, ухоженный. Это не подкидыш и не беспризорный. Нянька, раззява, потеряла. Сейчас, поди, бегаешь вокруг храма да голосит. Надо было там остаться.

– Я тоже сначала так решил. Стал народ спрашивать. Потом вижу – а он холодный, будто ледышка. А когда нищего с паперти спросил, то схватил мальчика на руки и бегом сюда.

– Что такого сказал нищий? – сразу насторожился Благово.

– Уверяет, и определенно, об очень странном факте. Он видел ребенка еще ночью, тот грелся в церкви. Один.

– Один? С ночи? – Статский советник схватился за брегет. – Какая скотина ребенка из дому выставила? Доктора сюда, немедленно!

– Уже позвали, ждем с минуты на минуту. А пока хоть бы чаю попил, согрелся. Ни в какую. Он чем-то сильно напуган.

– Ты с ним разговаривал? Что он сказал?

– Ничего. Говорю, ребенок напуган. Молчит. Мне кажется, он вообще немой. Ни звука, ни всхлипа!

– Да... Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал... Не нравится мне это. Тем более накануне праздника. Ребенок из хорошей семьи, ушел из дому, перепуган до смерти – и никто его не ищет. Соображаешь?

– Да. Совершенно преступление?

– Возможно. Не ищут потому, что с ними самими произошло нечто нехорошее. Ох, пропало Рождество...

Тут распахнулась дверь, и вбежал полицейский врач Милотворский.

– Где он?

– Вон у окна прячется, – ответил Лыков. – И молчит, даже не плачет. Он, кажется, немой.

– Немой? Ну, это вряд ли!

– Точно немой, Иван Александрович! Я с ним и так, и эдак – ни гугу!

Доктор сбросил шинель, потер ладони, открыл свой чемоданчик и вынул оттуда серебряную ложечку. Сел напротив маленького человечка. Тот сжался и застыл в молчаливом ужасе. Милотворский по-доброму улыбнулся.

– Ну-ка скажи мне: а-а-а...

И поднес ложку к лицу ребенка. Тот открыл рот и громко просипел:

– А-а-а-а...

– Очень хорошо, молодец! Тебя как зовут?

– Саша.

– А фамилию свою знаешь?

– Гущин.

– Ой! – вскрикнул вдруг агент Торсуев. – Это ж зерноторговца Гущина сынок! С Дворянской улицы.

– Ты сын Феофилакты Ионовича Гущина? – мягко спросил доктор.

– Да, – ответил малец и сразу задрожал мелкой дрожью.

– Что с тобой? Где твой отец, почему он тебя не ищет?

– Его убили.

– Убили? – хором воскликнули сразу несколько сыщиков.

– Да. И няньку Машу. И дядю Ваню. А я убежал.

– Когда это было? – Благово растолкал всех и опустился перед ребенком на колени.

– Не знаю. Я спал. Потом нянька Маша разбудила. Вставай, говорит, тятеньку твоего зарезали... Одеда в зимнее и хотела куда-то вести. Но пришли они и убили всех.

– Как же ты спасся?

– Дядя Ваня крикнул «беги!» и бросился на них. А я побежал на двор. Там калитка.

– И за тобой никто не гнался?

– Я не знаю. Испугался и не оглядывался до церкви. Мы с тятьей в нее ходили...

– А кто такие они, и кто – дядя Ваня?

– Дядя Ваня наш приказчик. А они...

На этих словах ребенок не выдержал и зарыдал. Он ревел на всю комнату, и слезы в два ручья лились из глаз. Даже выдавшие виды сыщики дрогнули сердцем. Милотворский взял несчастного сироту на руки и сказал Благово:

– Все, на этом допрос закончен. Надо его согреть, успокоить... пожалеть, в конце концов. Дайте мне сани, я отвезу Сашу к себе домой.

Статский советник замахал руками.

– Конечно, Иван Александрович! Забирайте и побудьте с ним пока. У него есть дядя, Варлам Ионович, тоже зерноторговец. Все-таки родная душа... А мы открываем розыск. Лыков, Торсуев – за мной!

Через десять минут пошевные сыскной полиции подъехали к дому Гущина. Добротный особняк за глухим забором стоял возле Ремесленной управы. Снаружи все выглядело благополучно. Дорожка к дому почищена, нигде ни соринки. Полицейские подбежали к дверям – так и есть! Не заперто, и возле крыльца пятна крови.

Сыщики ворвались в дом и сразу увидели первый труп. Крепкий мужик, по виду белый дворник, лежал в передней. В груди виднелась ножевая рана, кровь обильно залила все вокруг. Перепрыгнув через убитого, бросились дальше и в гостиной обнаружили еще два

тела. Полная пожилая женщина застыла на диване. Ее удушили – веревка так и осталась на шее. Мужчина лет пятидесяти, в порванном сюртуке и с искаженным болью лицом, распластался возле трюмо. Его зарезали ударом в спину.

– Это нянька и приказчик, – догадался Лыков. – Где же хозяин? Не иначе, в кабинете.

Сыщики пошли туда и действительно увидели четвертую жертву. Степенный и уже немолодой, аккуратно одетый, с ухоженной бородой, там лежал купец Гуцин. Лицо его выражало изумление. Напротив сердца – такая же точно рана, что и у мужика из передней. Бил профессионалист.

– Приплыли, – вздохнул Благово и сел на тахту. – Четыре покойника в самое Рождество. Праздники псу под хвост, господи!

Тут послышались шаги, и в кабинет ввалился мужчина в запорошенной снегом шубе.

– Где мой брат? – с порога крикнул он. Но увидел труп и осекся.

– Гуцин Варлам Ионович? – спросил для проформы Алексей, хотя по сходству лиц это было и так ясно.

Тот лишь молча кивнул. Не глядя на полицейских, он первым делом кинулся к бюро. Вынул верхний ящик, чертыхнулся и без сил опустился на стул.

– Что пропало? – поинтересовался Благово.

– Процентные бумаги на сорок тысяч. Я приехал, чтобы их забрать.

– Зачем же?

– Собирался открыть новое дело – контору в Рыбинске. Хорошее было бы дело. Теперь все...

– Ваш брат припас эти деньги? Кто еще мог знать, что в доме находится крупная сумма?

– Приказчик Зыков.

– Этот тот, что в гостиной лежит?

– Он.

– Других, кто знал, не назовете?

– Дайте хоть с мыслями собраться! – вспыхнул купец. – Брата все-таки убили! А вы – кто знал, кто знал...

– Ну, собирайтесь пока, – примирительно ответил Благово. – Только там собирайтесь, в детской. Там пусто. А здесь мы будем обыск делать.

– Кстати, господин Гуцин, – неприязненно сказал титулярный советник. – В бюро-то вы сразу полезли... В первую очередь о деньгах подумали. А про племянника своего не хотите спросить?

– Да, – спохватился зерноторговец, – как-то из головы вон. Так что с Сашей? Где он? Неужели изверги и его убили?

– Нет, мальчик жив. Ему удалось убежать. Сейчас он в доме полицейского врача Милотворского, приходит в себя. Саша всю ночь просидел в Варварской церкви. Не хотите проведать племянника?

– Не сейчас, позже. Я должен видеть результаты вашего обыска. Как наследник. Кроме того, я нужен тут. От кого вы еще узнаете, что пропало в доме?

Лыков покосился на начальника. Тот встал с тахты.

– Это разумно, хотя... бессердечно. Но решать вам. Теперь идите с глаз моих. Понадобится – позовем.

Гуцин с обиженным лицом вышел. Лыков проводил его взглядом и вздохнул.

– Вот скотина! На брата даже не взглянул, сразу полез деньги смотреть. Ну и «родная душа» будет у мальчишки...

– Однако доктор нужен нам здесь, – проворчал Благово. – Торсуев! Сгоняй-ка к Милотворскому.

Вдруг из гостиной раздался едва различимый стон. Сыщики, не сговариваясь, бросились на звук. Приказчик шевелил губами, пытаясь что-то сказать.

– Лыков! Грузи раненого в пошевни и пулей в Мартыновскую больницу. Потом возвращайся сюда с двумя агентами. Торсуев! Карауль брата. Из детской не выпускать, про то, что обнаружен живой приказчик, – не говорить.

– Есть!

– А я пока осмотрю дом.

Машина розыска набрала ход. На место происшествия прибыли полицейский врач и судебный следователь, заглянули ненадолго полицмейстер и вице-губернатор. Убийство четырех человек в канун Рождества – страшное святотатство. Власти прилагали все силы для быстрого открытия извергов. Благово с Лыковым вертелись, как чумные, забыв про торжества. Лишь под утро, пропустив Великие Часы, они едва успели в кафедральный собор к литургии. Раскрытие преступления случилось неожиданно быстро, и мало зависело от рвения сыщиков. Алексей пришел домой и попытался часик соснуть, но не успел – за ним заехал Благово.

– Вставай, бездельник! Зыков очнулся и готов дать показания.

– Какой Зыков? – не понял спросонья титулярный советник.

– Приказчик, раненный в доме Гущина.

– Выжил? Когда я его отвозил – очень был плох!

– Не знаю, насколько он стал хорош. Милотворский провозился с ним всю ночь, а сейчас прислал записку. Удар сзади оказался неудачным. Клинок попал в лопатку, соскользнул и прошел ниже сердца. Зыков больше пострадал от кровопотери. Видимо, умрет – его уже соборовали. Но он хочет нам что-то рассказать. Если успеет... Так что, собирайся быстрее!

Зыков лежал в одиночной палате земской больницы под наблюдением врача. Увидев полицейских, он обрадовался и прошептал бескровными губами:

– Наконец-то...

– У вас хватит сил? – наклонился над раненым Благово.

– Хватит... Я должен... должен. Исповедался, а теперь и вам расскажу... Ничего не утаю... С Богом скоро встречаться, надобно душу очистить...

Сыщики сели у кровати, Лыков достал бумагу и карандаш. Приказчик вздохнул, как перед прыжком в холодную воду, и начал свой рассказ.

– Я погубил свою душу пять лет назад. Уж позвольте с этого места излагать, а до убийств доберемся... Настоящая моя фамилия Братцов, а Зыковым стал по поддельному паспорту. Служил я тогда в Ярославле у богатого купца Чумакова. Был на хорошем счету и выбился в старшие приказчики. Хозяин мне доверял... Однажды он поехал в Ирбит на ярмарку, а мне оставил двадцать восемь тысяч рублей закончить сделку. Тут-то меня и обуял лукавый...

Зыков-Братцов прикрыл на минуту глаза, потом продолжил:

– Долго говорить сил нет, буду покороче... Одним словом, украл я эти деньги. Не смог побороть соблазн. Купец приехал, спрашивает отчета, а я говорю, что он мне никаких сумм не давал... Скандал учинился. А свидетелей-то нет! Подал Чумаков на меня в суд, ничего там не доказал и написал архиерею... Что просит разобрать наш спор Божьим судом... А именно, привести меня к клятве перед крестом и Святым Евангелием, в том, что я денег у него не брал. Вот... Как быть? Думал я, думал, и решил идти до конца. Страшно мне тогда сделалось, а еще больше боялся тюрьмы... Ну и... Ровно в полночь вывели меня священники из дома, босого, в саване, перепоясанном веревкой. В руки дали свечу из черного воска... Иду к собору, впереди меня несут крест с Евангелием, а по бокам другие священники, в черных ризах, но с белыми свечами. Все церкви, мимо которых прохожу, печально перезваниваются, слово священника хоронят... По обеим сторонам толпы народа – почитай, весь

город на улицу высыпал... Смотрят и крестятся молча. Да... Меня стала пробирать дрожь, едва ноги волочу. Как быть? Душу-то жутко терять! Еще не поздно покаяться. Так и добрался я до кафедрального собора... Там архиерей сказал мне последнюю речь, предупредил про кару Божию за клятвопреступление. Но я уж решил, что в тюрьму не пойду.

Приказчик снова закрыл глаза, словно впал в забытие, но вскоре упрямо продолжил:

– Нет уж, не помру, покуда не доскажу! Так вот... Принес я клятву лживую, безбожную и на другой день из города сбежал. Скитался туда-сюда... Деньги ворованные вложил, да неудачно – в Скопинский банк, где их и украл тамошний кассир. И вышло, что душу я за просто так отдал... Дела... А два года назад, купивши фальшивый паспорт, оказался в Нижнем Новгороде. Втерся Феофилакту Ионовичу в доверие, начал обороты его вести, да удачно... Ну, ежели по совести, хотел я и его обмишурить, когда в полную веру войду и к деньгам доступ получу. Да не успел...

Вызвал меня в трактир евонный брат. На той неделе оно случилось. Не знаю уж откуда, но прознал сей мерзкий человек про мою ярославскую историю... И говорит: помоги мне наследником дела стать, Фифку проклятущего отодвинуть. И щенка его тоже. Тебе после клятвопреступления терять-то уж нечего. Грехом больше, грехом меньше... А не то сообщу в полицию! Службы лишишься и в тюрьму сядешь за подложный документ. Да...

Думал я недолго. А чего действительно терять? Если ад есть, то гореть мне там вечно и без того. А ежели нет, то в тюрьму опять неохота! Одно меня смущало: как малое дитя убить? Но Варлам, собака, успокоил. Это, говорит, не тебе делать, на то особые люди припасены. А тебе надо только двери открыть... Я спросил: как же мне убийц впустить? Они же меня первого и зарежут!.. А он ответил, что нет, не зарежут. Я-де ему живой нужен, чтобы дела вести. Сам-от Варлам на труд не способен, а будет только барышами пользоваться... В столицы уедет, а я управляющим у него останусь, и с хорошим жалованьем...

Смутил он меня совсем... И все полицией пугает, ежели не соглашусь. Еще я попытку сделал. Дитя, говорю, зачем кончать? Тебя ж к нему суд в опекуны назначит. Разворуешь незаметно... ангельскую душу губить не придется... А Варлам ответил: нет, довести до конца, и Сашеньку маленького тоже удавить. Зачем делиться, коли можно все себе забрать? И засмеялся так... нехорошо... К брату старшему он давно имел счеты, завидовал его оборотистости и дитя его ненавидел. Опять же, законный наследник подрастет. Тут понял я, что ангелочка нашего убьют. А мальчишка мне нравился – вежливый, и сердце доброе, не то, что у папаша. Папашу-то его мне под ножи подвести было что плюнуть, и прислугу тоже... а Сашу не хотел, не хотел...

Да... Но деваться, стало быть, некуда! Жалко мальчишку, но своя шкура дороже. Ежели разоблачат меня, то службы лишусь и нигде ее больше в вашем городе не найду. И в тюрьму неохота. Опять возраст: бежать, искать другое место, все по новой начинать... И согласился я тогда. Но выставил Варламу два условия. Первое я ему сказал, что не верю, будто оставят меня в живых. Действительно, зачем? Проще зарезать со всеми, как только открою дверь. И придумал я так: оставляю-де письмо в секретном месте, где будет про Варлама Ионовича. Ежели меня погубят, то письмо попадет в полицию. Очень это нанимателю не понравилось! Но деваться некуда, пришлось стерпеть.

– А второе условие?

– Второе тоже было по необходимости. Представьте, если бы я один остался в живых! Когда все мертвые лежат... Ну, связали бы меня, синяков наставили. Все равно подозрительно! Полиция первого меня и стала бы трясти. Начали копать, и докопались бы до чужого паспорта... Так ведь?

– Так, – кивнул Благово.

– Вот... И я подумал... И сказал Варламу: сделаем, что я будто бы убег. Заслышал шум и убег через заднюю дверь! Сразу в полицию, поднять шум. Полиция придет, а тех убийц уж след простыл. Пускай поторопятся!

– Все равно подозрительно, – вставил Лыков.

– Подозрительно, – согласился приказчик. – Но все ж не так!

– Кто эти люди, что с ножами пришли? – спросил статский советник.

– Одного только могу назвать... Фомка Живодер прозвище...

– Знаем такого, – в один голос заявили оба сыщика.

– Он за старшего был... Второй раз когда встречались в трактире, Гуцин его мне показал...

– Ну, эту гадину мы найдем, – сказал Благово и посмотрел на Лыкова. Тот молча кивнул.

– И вот позавчерашнего дни... поздно уже... сидим мы все дома, по комнатам. Я сам не свой, но виду не подаю. Сашенька спит уже. Гляжу на няньку, на Степана, на хозяина своего и думаю: скоро вам всем помирать. Феофилакт Ионович заглянул ко мне и ушел. Веселый был такой... ничего не предчувствовал. Рождества ждал, подарки наготовил... И тут что-то меня словно бы толкнуло. Как же так – Сашеньку убьют, и это я его погубил? Поспешил я в детскую, говорю няньке: не спрашивай ни о чем, а разбуди и одень ребеночка в уличное. Хозяин-де велит. Она поверила – а чего ей не поверить? И стала собирать Сашу. А я, как стукнуло одиннадцать, тихонько открыл входную дверь. Вошел Фомка, и с ним еще один, незнакомый. Нашумели, дураки! Выбежал тут Степан, наш кухонный мужик – и мигом они его зарезали. Я дрожу, но креплюсь. Послал их в кабинет хозяина, а сам в детскую вернулся. Говорю Маше – в доме грабители, Феофилакты Ионовича убили! Хватай ребенка и беги! А тут эти заходят... Лица страшные. Быстро как-то обернулись... И тут понял я...

Зыков-Братцов замолчал, по щеке его покатила одинокая слеза. Потом он одолел себя и продолжил:

– Вспомнил я страшный свой грех и понял – последняя сейчас у меня возможность его искупить. Душу спасти, пусть даже с запозданием... и ангелочка невинного, доброго сердцем... Одно дело хозяйские деньги украсть, и совсем другое – ребенка умертвить! Крикнул няньке еще раз, чтоб бежала, и схватился один с двумя... Больше ничего не помню.

Наступила тягостная тишина. Через минуту приказчик слабо улыбнулся и показал глазами на доктора Милотворского.

– Вот... он мне сказал, что Саша спасся и даже не заболел. Хорошо-то как... может, еще и увижу царствие небесное?..

И впал в забытье. К вечеру приказчик скончался.

Сыщики остались с предсмертным признанием на руках, но без свидетеля. Допрошенный по горячим следам Гуцин-младший обвинения отрицал. Возмущался, грозил пожаловаться государю – все, как полагается... Его посадили в острог, в дворянскую камеру. Одних признаний Братцова для суда недостаточно. Слова против слов. Мало ли какие мотивы были у покойного? Мог оговорить со зла или из мести. Что делать – понятно: ловить непосредственных убийц.

Гуцин тоже понимал, что наймиты в случае ареста утянут на каторгу и его. Смешно было ждать от арестованного подсказок, где искать Фомку Живодера. Но сыскной полиции этот персонаж был хорошо знаком. Кличку свою мещанин Баранов получил за мерзкие садистические привычки. Еще в детстве он мучил и убивал кошек, а как подросток, перешел на людей. Настоящий разбойник! В каждом крупном городе есть такие. Только ежели в Москве их полсотни, в местах навроде Нижнего – два или три. Фомка обитал в притонах, жил награбленным, иногда наведывался в столицы. Был там свой человек в кругах гайменников. И ловко скрывался от полиции. Благово сказал, что эту гадину они поймают, но то были слова. Павел Афанасьевич давно хотел засадить негодяя в тюрьму. Да все не выходило...

Живодер подозревался в нескольких ограблениях, одно из которых закончилось смертью потерпевшего. Начальник сыскной полиции допускал, что после четырех убийств Живодер с помощником кинулись прятаться в Москву. А если не уехали, то где могли укрыться?

Сыщики перерыли все известные им притоны и никого не нашли. Агентура тоже молчала. Живодер исчез. Вечером Павел Афанасьевич собрал у себя Лыкова и Титуса. Он был подозрительно спокоен.

– Ну, безобразники, какие у кого идеи?

– Кондукторов опросить, – сразу ответил Лыков. – Второй-третий классы.

– Форосков уже занимается, – отмахнулся статский советник.

– Извозопромышленников надо потрясти, – предложил Ян. – И одиночек. Особенно тех, кто ездит за город. Таких не очень много.

– Уже теплее, – одобрил Благово, и стало ясно, что он давно отыскивал злодеев.

Алексей набычился. Что же придумал многоумный начальник? Он стал рассуждать вслух:

– Сейчас зима, реки стоят. Только поездом или санным ходом... Есть ямской извоз, а есть с недавнего времени крестьянский. До Казани или Самары крестьяне возят даже быстрее.

Благово с любопытством слушал, но молчал. Воодушевленный Лыков продолжил:

– Но я бы поискал поближе.

– Где?

– Вокруг города.

– Это в Сормове, что ли? – ухмыльнулся статский советник.

– Хоть бы и так. Но лучше иметь зацепки.

– Ну-ну... И какие предлагаешь?

– У Гущина-младшего мельницы или амбары есть?

– Мельниц нет, он же перекупщик, – пояснил Титус. – Амбары имеются, в Катыхах. Но мы их уже обыскали. Да и холодно там прятаться.

– Хорошо, пойдем дальше, – бодро сказал Лыков, не спуская глаз с Павла Афанасьевича. – Дача есть у этого мерзавца?

– Вот этого не знаю, – развел руками Ян и тоже поглядел на Благово. Тот стукнул себя кулаком по колену:

– Горячо!

Друзья переглянулись. Алексей осторожно спросил:

– Стало быть, дача есть?

– Угу.

– И отапливаемая?

– Вполне, – ответил Благово. – Варлам иногда уезжает туда на неделю. Будто бы охотиться. И не замерзает.

– Где же это палаццо?

– На Моховых горах.

Моховые горы находятся на левом берегу Волги ниже большого села Бор. Летом там полюбили селиться дачники. Рыбалка, грибы, близость большой реки делали местность привлекательной. Некоторые богатеи начали строить по урезу воды летние хибары. Но теплый дом? В таком глухом месте? Летом по воде добираться легко, а по снегу каково?

– Как вы узнали? – не удержался Лыков.

– Проследили за крестником Гущина, – пояснил Благово. – Некий Павел Силков, на побегушках у хозяина, но доверенное лицо. Вчера Силков купил водки, солонины в консервах и отвез в Моховые горы.

– Надо ехать и смотреть!

- Дом стоит на опушке леса. Если явимся толпой, они убегут. В лесу мы их упустим.
- Я подъеду один, на гушинских розвальнях. Скажу, что заместо крестника. И что Варлам Ионович прислал им пожрать.
- А дальше что? – насторожился статский советник.
- Как что? – удивился Лыков. – Дальше стану их бить. Смертным боем, как полагается.
- Их там двое, а ты один, – возразил Титус. – Терять ребятам нечего... Давай я укроюсь под рогожей! Вылезу и пособлю.
- И отморозишь себе выступающие части тела? – ухмыльнулся титулярный советник. – Женись сначала!
- Яков дело говорит, – остановил помощника Благово. – Их двое, отчаянные. Фомка Живодер по приметам десяти вершков!
- Да хоть двадцати! – ответил Лыков. – С него и начну. Кто не спрятался, я не виноват... Благово с Титусом переглянулись, и Яан кивнул головой:
- Алексей прав. Одного они не испугаются и впустят в дом. Опять, сани и лошадь знакомые. А так...
- Возьми с собой револьвер и кастет! – нахмурился статский советник.
- Слушаюсь! – шутовски вытянулся Лыков. – А еще ружье и батарею конной артиллерии!
- Я серьезно, орясина!
- Павел Афанасьевич, их же всего двое, – сбавил тон его помощник. – И нападую я неожиданно. В первый раз, что ли?
- И сыщики начали оговаривать детали.

Лыков прибыл на место около десяти часов утра. Ничего себе дачка! Пусть не палаццо, но добротный пятистенок. С дровяником, баней и конюшенным сараем. Обнесен высоким забором. Стоит на гриве, окнами на Волгу, а позади – заснеженный лес. Если убийцы внутри, то им лишь через забор сигануть, и ищи-свищи... Вокруг больше ни одного строения. Как Варлам не боялся тут жить?

То, что в доме живут, Алексей понял сразу. Дернулась занавеска окна, и следы у калитки еще не замело.

Титулярный советник сам открыл ворота, завел лошадь под уздцы и привязал к коновязи. Все это он делал, стараясь выглядеть привычным. Потом взвалил на плечи мешок, а в другую руку взял четверть водки. Тут дверь распахнулась, и на крыльцо вышел мужик в наброшенном на плечи тулупе. Рыжеволосый, глаза светло-серые, ростом на пару вершков ниже Фомки Живодера... Значит, это его напарник.

– Ты кто? – спросил незнакомец, а сам глаз не сводил с бутылки. Любит, стервец, водочку! Это хорошо...

– Я Вовка. Заместо Пашки. Меня Варлам Ионыч прислали. Самому ему нельзя, за ним могут следить.

– А за тобой, значитца, нет? – сразу окрысился рыжий.

– Я нарочно плутал.

– Знаю я, как вы плутаете, дураки деревенские!

Лыков «обиделся»:

– Не хошь, так и не надо! Тута вам и хлеб, и колбаса, и водка... А они кобенятся! Больно мне надо в такой холод сюды ездить! Еще и обругали!

И повернулся к саням.

– Эй, мешок и бутылку оставь!

– Сам купишь, мазура! Тут лавка недалеко!

За спиной стукнула дверь. Алексей обернулся. Возле рыжего скандалиста появился угрюмый детина со злыми напряженными глазами. Он процедил сквозь зубы:

– Неси в дом. И не шуми.

– Он первый начал!

– Я сказал, тихо!

Лыков с обиженным лицом пошел в избу. Протиснулся между громилами, из холодных сеней шагнул в горницу. Тут было натоплено, на столе теснились пустые бутылки и валялись корки хлеба. К лавке было приставлено ружье. Ого! Этого только не хватало... Сыщик начал разбирать мешок, заняв позицию между ружьем и гайменниками.

– Вот! На три дни хватит, а потом Варлам Ионыч вдругорядь меня пришлют. Велели еще передать, что в городе как метлой метут. Что это значит, не пойму, но велели...

– Не твоего ума дело, – грубо оборвал его Живодер. А рыжий сразу схватил бутылку и начал свинчивать ей голову.

– Вот она, родимая!

Воспользовавшись этим, Лыков отошел в сторону и снял с себя тулуп. Фомка не сразу заметил маневр. А когда заметил, осерчал.

– Ты че, поселиться тут вздумал? Бери ноги в руки и прочь отсель.

Титулярный советник, не обращая на его слова никакого внимания, бросил на пол рукавицы.

– Эй, ланцепуп! Ты глухой али глупый?

– Ни то и ни другое, – ответил сыщик своим обычным голосом. – А буду я сейчас вас, тварей, лупить на обе корки...

Он сказал это так буднично, что Фомка Живодер сразу все понял. Нагнулся было к сапогу, но получил ногой в темечко и полетел кубарем. Рыжий застыл с четвертью в руках.

– Ай! Ты кто?

– Раз-два и в дамки! – ответил сыщик, двумя страшными ударами отправляя его на пол.

Фомка вскочил, но вынуть нож опять не успел. Лыков двигался быстро, словно танцевал вокруг противника. Он сместился вроде бы под левую руку, и вдруг оказался под правой. Хрясь! готов...

Через два часа арестованные оказались в кабинете Благово. Рыжий скулил, по его окровавленному лицу текли настоящие слезы.

– Ваше высокоблагородие, у меня грудь слабая, а он меня что есть силы!

– А нечего было людей убивать, – назидательно ответил статский советник. – Теперь уж что! Теперь тебе жалеть не об чем. На каторге все равно сдохнешь.

Мужик завыл.

– Молчать! – рявкнул Павел Афанасьевич. – Нагадил, так дай ответ! Если сей же час сознаешься, получишь на суде снисхождение. Это ведь Фомка кровь лил? Ты только за руки держал? Я все знаю!

– Точно так, ваше высокоблагородие! Он! Он и резал, и душил!

– А второй Гушин, который брат Феофилакты Ионовича?

– Тот деньги платил! Это рази брат? Это хуже волка, какой он брат! А я спьяну да по дуруости, ваше высокоблагородие... Грудь у меня слабая, пропитание добывать трудно...

– Погоди со своей грудью. Точно Варлам платил за то, что вы брата его со всей семьей убьете? Ты сам это слышал?

– Как есть! Ей-бо, сам слышал и сам от него деньги получал. Могу на суде присягнуть!

– Так и сделай. Глядишь, срок тебе убавят. А на каторге тоже лазареты есть. Будешь вместо, чем кайлом махать, на койке отлеживаться.

Фомка Живодер слушал весь этот разговор молча, а на последних словах злобно плюнул. И тут же охнул от боли – Лыков выбил ему чуть не все зубы...

На другой день Благово сидел у Лыковых за праздничным столом. Холостяк, сам он ничего у себя не готовил, а шлялся по чужим домам. После десерта начальник отделения и его помощник развалились в креслах. Не хотелось ни говорить, ни думать. Вдруг Алексей сказал:

– Странно устроен человек. Взять Братцова. Дал ложную клятву, сгубил себя на веки вечные. Терять уже нечего после такого! И вот, на лестнице в ад, занес уже ногу на последнюю ступеньку – и остановился. Не сумел! Ребенка пожалел. Пропащий человек, а что-то в душе осталось христианское... Куда он теперь, Павел Афанасьевич? В ад или в рай?

– У некоторых сектаторов есть такой постулат, – задумчиво ответил статский советник. – Звучит он так: «Не согрешишь – не раскаешься. А не раскаешься – и не попадешь в царствие небесное». Бог рассудит. Налей-ка мне лучше пендюрочку!

Антон Чиж

Черный плащ буйволово́й кожи

Второй секретарь русской миссии в Британской империи Борис Георгиевич Ванзаров, надворный советник, пребывал в утренней неге, когда первый завтрак закончился давно, а второй не думал начинаться, и во всем теле от души до пяток царили мир и спокойствие. Как любой русский, живущий в Лондоне, он незаметно становился англичанином. Вернее, думал, что становится. Борис Георгиевич старательно копировал привычки, и со стороны могло показаться, что он настоящий англичанин. Если бы не мелкие штришки, заметные аборигенам Темзы. После полуденного чая дипломат намеревался пройтись недолгой прогулкой в ближайший парк. Как вдруг в дверь его кабинета постучали.

Как часто мелочь рушит великие планы. Ни о чем таком Борис Георгиевич и не думал, а потому позволил войти. Камердинер исключительно английского вида по фамилии Кузькин на серебряном подносе подал депешу. Не ожидая подвоха, Борис Георгиевич взглянул в телеграфный листок. Не успел пробежать несколько строк, как брови его полезли вверх, дыхание сперло, и он вскочил столь резко, что кресло издало неприятный визг. Дворецкий вздрогнул, охнул и выпучил глаза, но в остальном сохранил выдержку, как и полагается истинному англичанину с Васильевского острова. А дипломат повел себя несдержанно, крикнул: «Отчего не доложили сразу!» – и бросился к выходу так стремительно, что толкнул дворецкого и пребольно.

Лестничный пролет второй секретарь одолел одним махом, и почти вовремя оказался в довольно узком парадном холле.

– Рад вас видеть... – натянув дипломатическую улыбку, сказал он человеку, вошедшему в парадную дверь. Зная кое-что о приехавшем, Борис Георгиевич счел за лучшее не протягивать руку, чтобы не попасть в конфуз.

Судя по дорожному плащу черной буйволово́й кожи – такие модны в Америке, – визитер прибыл с парохода. Окинув дипломата быстрым взглядом, он не проронил ни слова. То есть буквально не сказал ничего. Такое поведение в доме, где ценили этикет, могло показаться вызывающим. Но что поделать: таким и было поведение гостя.

Борис Георгиевич, наслышанный о сем господине, счел за лучшее не замечать его невоспитанности. Напротив, он придал своему лицу изысканно-вежливое выражение и цветасто представился, не забыв сообщить, что целиком и полностью к «вашим услугам».

Гость, казалось, о чем-то задумался и спросил:

– Ванзарову кем приходитесь?

Борису Георгиевичу ничего не оставалось, как признаться в родстве с младшим братом.

– Вы с ним знакомы? – поинтересовался он, в свою очередь, надеясь нащупать ниточку дружелюбия, ведущую к душе господина.

– Нет, – промолвил гость.

Ответ не оставлял надежды. Борис Георгиевич спросил у гостя, где его вещи. Ответом было движение бровей к дверному проему, в который, надрываясь от натуги, кебмен вносил чемодан. Вернее, боролся с ним из последних сил. Если бы не швейцар, пришедший на выручку, бедняга бы пал замертво под тяжестью кожаного кофра невозможного размера, не хуже загнанной лошади. Эти муки мало тронули приезжего. Как только кофр с глухим звуком бочки приземлился на мраморный пол, гость потерял всякий интерес к судьбе полуживого кебмена. И его заработку. Давать на чай и ободрять честного труженика кнута пришлось швейцару.

С мужественной улыбкой, наблюдая за мелкой катастрофой, Борис Георгиевич «внутренне холодел», как принято писать в женских романчиках. Ничего хорошего визит гостя не сулил. Разумеется, Борис Георгиевич знал чин и довольно странную для МИДа должность приехавшего господина: чиновник особых полномочий. Как и многое другое, о чем шептались сотрудники министерства. Было это слухами или на самом деле случалось, трудно было утверждать наверняка. Зато можно было не сомневаться: неприятностей не избежать. Счастье – если неприятности эти окажутся мелкими.

– Прошу простить, как прикажете?.. – начал Борис Георгиевич, намекая на свою досадную якобы неосведомленность.

– Маршалк.

– Очень приятно. Но, позвольте ... – нельзя же обращаться к человеку вот так, по фамилии, не в Америке же они находятся, в конце концов. На суверенной территории России как-никак, пребывали. С точки зрения международного права.

– Чемодан доставить в мою комнату.

В любом другом случае Борис Георгиевич счел бы подобное обращение оскорбительным. Не позволительно отдавать приказы второму секретарю посольства, словно тот дворецкий. Но не время было сейчас обращать внимание на мелочи этикета. А это, в сущности, – мелочи, если присмотреться.

– Извольте представиться Александру Константиновичу?

– Некогда. Потом загляну...

Опять Борис Георгиевич утопил в улыбке невозможную грубость. Чтобы чиновник, прибывший в посольство, отказался от аудиенции с послом, самим графом Бенкендорфом? Ну, знаете... Это... Это... Борис Георгиевич просто не находил подходящих дипломатических слов.

– Где Борн-стрит?

От Чешем-плейс, 31, где располагался особняк русской миссии, улица была недалеко: пять минут неспешной езды. Борис Георгиевич предложил услуги швейцара, чтобы тот высвистал кеб. Маршалк повернулся и вышел вон. Не проронив и слова.

Когда этот человек исчез за дверью, Борис Георгиевич испытал большое облегчение. Он был отлично осведомлен о сыскной полиции вообще и о характере некоторых ее представителей, особенно его непутевого брата в частности. Но на фоне этого субъекта, невыносимый, невозможный и невоспитанный Родион Ванзаров казался эталоном джентльмена. А этот – дикарь какой-то.

В прошлом, 1902 году мнение перспективного дипломата Ванзарова, только-только поднявшегося на карьерную ступеньку, было отчасти верным. Отчасти, потому что всю правду о Маршалке знал только сам Маршалк. В Министерстве иностранных дел империи не было человека более страшного, загадочного и возмутительного. Все знали, что такой Маршалк есть, но чем занимается на самом деле, не знал никто. Он появлялся и исчезал как привидение, то в одной миссии, то в другой, и каждый его визит имел последствия, о которых нельзя было вспоминать без содрогания.

Вид его был далеко не дипломатический. Для среднего роста он обладал мускулатурой, которую сюртук не скрывал, а только подчеркивал, словно был мал по размеру. В лице его не было ничего примечательного. Скорее правильное, чем уродливое, явно не аристократичное, но и не простонародное. Такое, что не описать по приметам. Потому, что примет не было.

Зато взгляд его запоминал каждый, кто хоть раз имел несчастье оказаться у него на пути. Взгляд этот давил такой силой, что хотелось или согнуться, или бежать без оглядки. Никто не знал, есть ли у него жена. Скорее и наверняка – не было. Какая женщина не сойдет с ума от каменной статуи? Маршалк приносил с собой ледяной ветер ужаса, а когда исчезал, чиновникам становилось так хорошо, будто повысили жалованье.

Никто не знал его имени-отчества. Только Маршалк.

Решительно невозможный человек. И еще этот плащ...

Борис Георгиевич, по должности принимающий важных гостей, оказался совершенно не готов к его визиту. Хуже того: было непонятно, зачем Маршалк явился. Никаких бед или скандалов в посольстве не случилось. Значит, это была тайная миссия. Но из МИДа ничего не сообщили. А потому...

Выводы казались молодому дипломату столь неприятными, что у него засосало под ложечкой. О прогулке можно было забыть. От прекрасного настроения осталось одно воспоминание. Борис Георгиевич непривычно резко приказал Кузякину, безуспешно боровшемуся с чемоданом, позвать прислугу, а не валять дурака. Он еще подумал: «Чем это набита поклажа? Не кирпичи же Колизея таскает за собой. Хотя с такого станется»...

* * *

Пока дипломат Ванзаров пребывал в хмурых размышлениях, Маршалк быстро удалялся от посольства. Он шел так уверенно, словно не раз бывал в Лондоне или, по меньшей мере, изучил карту. Ему не нужно было вертеть головой по сторонам, что всегда выдает приезжего. Маршалк словно ничего не замечал вокруг. И тем более не замечал удивленных взглядов дам, буравивших его спину. Появление на улице господина в столь вызывающем наряде сразу выдавало в нем иностранца да к тому же дурно воспитанного. Времена нынче были другие, викторианская строгость отстала, король Эдуард VII имел свободный нрав, но все же есть предел. Нельзя же появляться на людях в чудовищном наряде, которому место в диких прериях. Это ужасно!

На Маршалка неодобрительно поглядывали даже личности затрапезного и ободранного вида. Однако это не помешало ему свернуть на Борн-стрит и быстро найти трехэтажный особняк грязно-желтого кирпича, втиснутый между двухэтажными собратями так тесно, будто им пришлось втягивать каменные плечи. Маршалк мягко постучал в дверь, которую мог вынести одним ударом плеча.

На пороге появилась невысокая дама с потертым лицом, в том возрасте, когда не важно, сколько на самом деле женщине лет. Чистенький передник нес отметины многих стирок. При виде иностранца она выразила дружелюбное удивление и изо всех сил постаралась не коситься на чудовищный плащ.

– Я ищу мисс Торвальдсен, – сказал Маршалк, забыв представиться.

Женщина кивнула.

– Эта милая леди снимает у меня квартиру. А вы?..

– Дядюшка, – сказал Маршалк, поведя подбородком, что можно было принять за поклон. – Полагаю, вы и есть неподражаемая миссис Пинкс, домохозяйка и мастерица удивительных пудингов? Кларисса писала о вас в восторженных выражениях.

Слова пришлись миссис Пинкс по сердцу. Иностранец говорил так чисто, что и не признаешь чужака. Она зарделась, улыбка ее стала искренней.

– Моя дорогая племянница дома? – спросил гость.

Миссис Пинкс посторонилась, пропуская приятного джентльмена (жуткий плащ перестал ее беспокоить), однако она вынуждена была его огорчить: с милой леди они не виделись уже дня два, наверное, если не три. Хотя это неудивительно: Кларисса вела столь скромный и тихий образ жизни, что следить за ней не было никакой нужды. Но, разумеется, джентльмен мог подождать ее. Да, милая леди обычно запирала на ключ квартиру, но у нее найдется запасной, разумеется.

Плащ шуршал, задевая ступеньки, будто древний змей полз по дереву. Маршалк одолел два пролета узкой деревянной лестницы. Дверь съемной квартиры была заперта. Маршалк

заглянул в замочную скважину: просвет закрыло цевье ключа. Ключ миссис Пинкс оказался бесполезен.

Убедившись, что домохозяйка хорошо воспитана и не сует нос в чужие дела, Маршалк аккуратно взялся за дверь и немного отжал в сторону. Небольшого усилия было достаточно, чтобы язычок замка выскочил на свободу.

Изготовившись, Маршалк резко распахнул створку.

Современный вкус требует в оформлении интерьера куда большей свободы, чем в ушедшую эпоху королевы Виктории. Дозволительно смешивать разные, еще недавно невозможные предметы мебели, драпировки, штор, ваз, ковров и приятных безделушек, скрашивающих скуку жизни. Квартира мисс Торвальдсен отстала от моды. Тут не было ничего, что выражало желание хозяйки удивить гостей изысканным, дорогим и современным вкусом. Напротив, обстановка казалась скромной, если не сказать бедной. Мебель довольно старая, но дешевая. Из вещей ничего лишнего, своего, индивидуального, характерного, как будто постоялице было довольно того, что предоставила хозяйка. Привычного женского уюта не было и в помине. Молодая женщина жила в съемной квартире, как в гостинице. Строго, скупно, аккуратно. И везде был идеальный порядок. Немного чрезмерный.

Для осмотра гостиной Маршалку хватило быстрого взгляда. Мягким, кошачьим шагом он прошел на середину потертого ковра с персидским орнаментом. Отсюда открывалась спальня и ванная комната с рукомойником. Порядок царил везде. Только опытный глаз мог заметить недочет: рядом с камином затертое пятно сажи.

Для игры в прятки в квартире не доставало места: лишь платяной шкаф да пространство под кроватью, скрытое большим покрывалом.

Маршалк выбрал шкаф. Узнать, что в нем, не довелось. С лестницы донесся перестук быстрых шагов, и в квартиру ворвался, иначе не скажешь, плотный невысокий господин, который не удивился незнакомцу. И даже не стал пялиться на вызывающий плащ. Его расстегнутое пальто плохо скрывало объемный предмет на левом боку.

– Вы кто? – резко спросил вошедший.

Маршалк назвался дядей проживающей здесь барышни и спросил, с кем имеет честь разговаривать.

Господин в сером пальто перевел дух, как видно, готовясь к более серьезной встрече. Он представился мистером Смитом. Между прочим – женихом мисс Торвальдсен.

– Жених?.. Очень рад. Жаль, что Кларисса ничего не сообщала о вас.

– О вашем существовании, дядюшка, я тоже не имел чести знать.

– Моя малышка такая скрытная.

– У вас довольно сильный славянский акцент...

– Веду дела из Одессы...

– Но это же в России?

– Моя дорогая покойная сестра вышла замуж в Швеции, взяла фамилию мужа. Кларисса – любимая племянница. Из семи прочих. Приехал проведать малютку, заодно передать ей свое завещание. Кстати, где она?

Мистер Смит казался заинтригован.

– Прошу простить: велико завещание? Спрашиваю из чистого любопытства.

– Не очень. Отдаю ей все, что имею. В ваших деньгах примерно сто тысяч фунтов.

Новость произвела определенный эффект. С таким состоянием и внукам хватит на безбедную жизнь. Хоть фамильный замок покупай. Смит одобрительно кивнул.

– Счастлив быть женихом Клариссы.

– Благословляю, – сказал Маршалк. – Что привело вас в этот час?

– Кларисса не отвечала на телеграммы, я обеспокоен.

– Штук пять, не меньше послали?

– Вроде того.

Заботливого жениха было видно, как говорится, издалека. Маршалк похвалил такую трепетность. А заодно спросил: не знает ли жених, куда могла исчезнуть Кларисса?

– Виделись с ней неделю назад, – ответил Смит быстро и не задумываясь. – У нее есть манера: внезапно пропадать на несколько дней.

– Всегда была непослушной девочкой, – согласился Маршалк. – Пока нашей крошки нет, посмотрю, как она устроилась. Стариковское любопытство.

Жених простил маленькую слабость будущего родственника ради наследства. Без дальнейших церемоний Маршалк распахнул платяной шкаф. Платья висели ровным, аккуратным рядом. Только одно нацепили на вешалку небрежно, как будто второпях: пуговицы не застегнуты, кружева помяты, висит криво-косо. Маршалк вытянул рукав к свету, что-то рассматривая на материи.

Смит наблюдал за ним пристальней, чем полагается жениху, мечтающему о богатом приданом.

– Что там? – спросил он.

Оставив платье, Маршалк подошел к камину, присел и принялся тыкать кочергой в зев дымохода. Там что-то мешало. Пристроив железку, Маршалк поднажал и резко опустил.

С шумом падающей лавины из дымохода выпало нечто крупное. В облаке сажи раздался густой шлепок. Смит подбежал и стал яростно разметать рукой поднятую чернь. Зола попала ему в нос, и он громко чихнул. Маршалк не двигался, будто пыль не имела над ним власти. Спрятав платок, без которого было не обойтись, Смит уставился на то, что вывалилось из дымохода. Ругнувшись сквозь зубы, он бросился к тому окну, что выходило на улицу. Пронзительная трель полицейского свистка была услышана ближайшим констеблем.

* * *

Граф Бенкендорф был хорошим дипломатом. Александр Константинович умел не только плести интриги, но и предвидеть события. На такой должности иначе нельзя. Слушая вечерний доклад малоприятного господина, граф подумал, что на его голову свалилась беда, которой не ждали. Если этот субъект, прибыв внезапно, сразу обнаружил такой малоприятный факт, что же будет дальше? Ответы граф предпочел бы не знать. Но такую удачу ожидать не стоило. Удача в дипломатии вообще птица редкая.

– Это ужасно, – сказал граф, которого раздражала манера Маршалка цедить любую информацию по капле. – Но как вы об этом узнали?

Из внутреннего кармана черного плаща, который невоспитанный субъект не счел нужным снять, он вынул телеграмму, адресованную из Лондона в Рим. Граф прочел наклеенные строчки:

«Заболела. Прошу доставить заказанное лекарство. Твоя К.»

– Что тут такого? – спросил Бенкендорф, возвращая желтый листок. На дипломатический шифр, во всяком случае, это походило мало.

– Сигнал тревоги.

– Мадемуазель чего-то испугалась?

– Сообщила о неминуемой опасности. Просила помощи. Я опоздал.

Граф подумал, что вообще-то за тридцать шесть часов добраться из Рима – это чудо, но вслух ничего не сказал. Могло показаться нежелательным комплиментом. Он вспомнил, что недавно на посольском приеме видел эту барышню. Она была милая, одета с хорошим вкусом, но ничего такого, что бы задержало взгляд ценителя женской красоты.

– Чем она занималась в Лондоне?

Александр Константинович счел, что имеет право на прямой вопрос: посол должен знать о всех тайных делишках, которые устраивают у него под носом. Кому как не ему потом расхлебывать.

– Эта информация не подлежит огласке, – сказал Маршалк.

Для посла унижительно просить о милости: ну, будьте любезны, ну, расскажите, чем тут промышляла бойкая барышня. Следовало поставить наглеца на место.

– Вы дурно воспитаны, господин Маршалк. О вашем поведении я буду вынужден сообщить в министерство.

В ответ посетитель даже не улыбнулся графу, будто угроза мимо ушей пролетела. Молчание – весь ответ. Бенкендорфу пришлось выпутываться самому.

– Торвальдсен – настоящее имя?

– Теперь это не важно.

– Я могу знать, как она погибла?

– Ее пытали. Беспощадно. Со средневековой жестокостью.

Граф был бы рад не слышать этих слов. Но слух у него был прекрасный. Чуткий дипломатический слух.

* * *

К телу никого не подпускали. Ждали приезда криминалиста и фотографа. Коронер, который явился чрезвычайно шустро, зафиксировал факт смерти и выдал формальное разрешение на проведение расследования. Мистер Смит держался в сторонке, отдав полномочия пожилому, но полному сил инспектору Лейстреду из Скотленд-Ярда. Сей господин вцепился в дело не хуже бультерьера, ухватившегося за ляжку велосипедиста. Маршалк был допрошен тщательно, его показания занесены в протокол. Лейстред зафиксировал, что свидетель, обнаруживший тело, является родственником погибшей, прибыл из России, где занимается книготорговлей. И так далее. Но вот Смита инспектор упорно не замечал. Как будто его не было.

– Хорошенькая история, – пробурчал Лейстред, почесывая подбородок. – Бедняжку раздели и засунули в дымоход камина. Она там задохнулась. Какое варварство. Англичанин на такое не способен. Сразу видно почерк иностранца.

И он бросил на Маршалка многозначительный взгляд.

– Я сошел с парохода четыре часа назад. Судя по первичным признакам, тело находится в дымоходе не менее двух суток.

Лейстред соорудил брезгливую мину.

– Надо же, книготорговец, а знаком с анатомией. Или как там это называется. Что-нибудь еще, мистер всезнайка?

– Дверь была заперта изнутри.

– О, труп в закрытом помещении? Домохозяйка говорит, что не помнит, чтобы к погибшей кто-то приходил. Заметьте, мы уже успели ее опросить. Скотленд-Ярд работает, как часы. Да, загадка: куда делся преступник?

– Щеколда в ванной открыта. Из окна легко выбраться на крышу соседнего дома. Дальше – дворами.

– Еще один Холмс на нашу голову! – Лейстред картинно схватился за виски.

– Всего лишь книготорговец.

– Лучше бы книжек меньше читали. – Инспектор был в крайнем раздражении.

Маршалка это мало тронуло.

– Инспектор, обратите внимание на отметины на теле.

– А что с ним? – Лейстред даже не повернулся к камину, рядом с которым лежало тело, накрытое простыней.

– Следы сильных ожогов на руках, груди, животе и в районе паха. Следы от веревки на запястьях.

– И что это значит?

– Перед смертью ее пытали.

– Какое варварство! Я же говорю: иностранцы.

Отделившись от стены, Смит подошел к инспектору и что-то шепнул на ухо. Лейстред кивнул.

– Посторонних прошу немедленно покинуть помещение, – взвизгнул он. – Вы, господин книготорговец, обязаны явиться ко мне для дачи дополнительных показаний...

* * *

Бенкендорф зажмурился. Описанная Маршалком картина пыток буквально стояла у него перед глазами. Зачем он только спросил о подробностях. Теперь еще ночью приснится. Граф, хоть и являлся дипломатом, но натурой был впечатлительной.

– Какое варварство, – совладав с эмоциями, проговорил он. – А еще англичане кичатся своей культурой. Сотворить такое и с кем? С женщиной, с молодой женщиной!..

– Ставки высоки, мелочи в расчет не идут.

– Жизнь барышни – это мелочь?!

– Жизнь вообще недорого стоит. Меня радует другое.

– Вас... радует? Что, позвольте, спросить?

– Она погибла, как герой. Ничего не выдала. Жаль, что за подвиг не будет награды.

– Откуда вам знать?

– За мной не следил милейший господин в сером пальто. Под которым кобура под большой калибр.

– Секретная служба? – одними губами прошелестел Бенкендорф, как будто у стен посольства тоже есть уши.

Маршалк счел вопрос риторическим.

Граф пребывал в полной растерянности, хоть сохранял на лице маску спокойствия.

– Что намереваетесь предпринять?

– Найти то, за что она погибла. Где потребуется.

Намек был понят.

– Вы хотите сказать, что... здесь? – Граф не мог произнести вслух кощунство.

– В случае необходимости.

– Я должен быть заранее поставлен в известность о любых ваших действиях.

– Невозможно.

– Почему?

– Буду действовать, как сочту нужным. По обстоятельствам.

Бенкендорфу потребовалось вся выдержка, накопленная за годы государственной службы, чтобы не совершить ошибки и не обложить по матушке наглеца. Он хоть и был графом, но ничто человеческое ему было не чуждо.

– Как вам будет угодно, – сухо сказал он. – Позвольте один вопрос?

Маршалк не возражал.

– Как найдете то, неизвестно что?

– Вещь небольшая, прямоугольной формы, плоская.

– Откуда вам это известно?

– Простая система: вещи должны быть параллельны друг другу. Там, где это правило нарушено, – приложил руку посторонний. Кларисса тщательно соблюдала правило. Что позволило указать на размер и форму спрятанного. Убийца точно знал, что ищет.

– Не проще ли записка или условный знак?

– Записку можно перехватить, знак выдает. Порядок предметов ни у кого не вызывает подозрения.

– Замечательная система... – согласился граф.

– Мне нужны сведения: с кем и когда Кларисса общалась в посольстве.

– Обратитесь к секретарю Ливневу, он ведет учет.

Маршалк вышел, не удостоив Бенкендорфа дежурной вежливости. По правде сказать, граф и без того был сыт по горло общением с ним.

* * *

Борис Георгиевич только успел обменяться с Ливневым мнением о будущих скачках и темных лошадках, как приятная беседа была смята самым грубым образом. Откуда ни возьмись, возникла фигура в черном плаще.

– Вы Ливнев?

Несчастный чиновник и Ванзаров переглянулись. Ливнев искал поддержки. Но что может второй секретарь перед слепой, непререкаемой силой?

– К вашим услугам, господин Маршалк.

– Соберите книги официальных посещений, записи о частных визитах и все сведения о последнем приеме в посольстве.

– Разумеется, как вам будет угодно. Когда подготовить?

– Сегодня. Это что?

Взгляд Маршалка, за которым проследил Борис Георгиевич, упирался в огромный чемодан. Как он мог забыть! Проклятый Кузькин так и не выполнил распоряжения. Какой позор, а еще дворецкий.

– Простите, я распоряжусь... – пролепетал дипломат.

Его порыв был остановлен решительным жестом. Маршалк взялся за ручку и... сам поднял невероятный груз! Борис Георгиевич отказался в это поверить, если бы не видел этого. Маршалк понес чемодан по лестнице как обычную поклажу. И донес бы до самого верха. Но металл не так прочен, как человек. Замки не выдержали, крышка чемодана распахнулась, и содержимое посыпалось на лестницу.

Маленькая тайна открылась. Чемодан был набит старинными фолиантами. Вот чем объяснялся его безумный вес. Судя по кожаным переплетам, книги были выпущены в глухое Средневековье и раньше. Так вот каково богатство убогого букиниста! Не разбираясь в раритетах, Борис Георгиевич отчего-то был уверен, что эти книги редкие, если не редчайшие.

– Откуда это... эта коллекция? – проговорил он.

Маршалк как ни в чем не бывало складывал выпавшие тома в нутро чемодана.

– Одолжил в библиотеке Ватикана.

– Одолжили?

Теперь уже и Ванзарову потребовалась дружеская поддержка. Но Ливнев смотрел на книги, как замороженный. Вероятно, оба чиновника думали одно и то же: одолжил или... украл?

– У них много. Пропажи не заметят.

Собрав последние книги, Маршалк подхватил чемодан и понес наверх, оставив дипломатов тонуть в догадках: шутил он или нет?

* * *

Ночь стояла над Лондоном глухая и непроглядная. Пиккадилли и Бонд-стрит сияли огнями и витринами, но поблизости, в боковых улочках тускло дрожали газовые фонари. Редкие и одинокие. Такая ночь зовет к преступлению. Такая ночь заранее покрывает любое зло, проверяя идущего на риск героя: способен ли он перешагнуть через условности человеческой морали, способен быть сильным и свободным, способен ли распоряжаться чужими жизнями? Такая ночь в самый раз для черного плаща.

Двигаясь окружным маршрутом, Маршалк не прижимался к стенам домов, не таился и не оглядывался. Плащ, который днем казался вызывающим, в темноте скрывал его словно плащ-невидимка. Случайный прохожий воткнулся в Маршалка, как в стену, и от неожиданности с головы его свалился котелок. Прохожий так и не понял, с чем столкнулся: то ли с призраком, то ли с человеком. Чего во тьме не бывает.

Борн-стрит сопела сном мирного трудяги-обывателя. Маршалк прошелся по противоположной стороне улицы, разглядывая домик миссис Пинкс. Свет теплился в окнах хозяйки. Верхний этаж был темен, шторы тщательно задернуты. Филеры, если и были, то вели себя крайне осмотрительно. Маршалк не смог заметить ни одной личности, которая старалась казаться незаметной. Или их не было, или ловушка была заготовлена внутри. Но выбора не оставалось.

Свернув в боковую улочку, Маршалк вышел с обратной стороны дома. Водосточная труба оказалась достаточно прочной и могла его выдержать. Вскрабкавшись на крышу соседнего домика, Маршалк бесшумно пробрался по кровле и очутился как раз под окном ванной Клариссы. Подтянувшись на руках, он уперся носками ботинок в кирпичную выемку и приподнялся над откосом окна. Рама подалась на удивление легко. Он приоткрыл створку и пролез внутрь.

Было тихо. Снизу еле-еле доносились шорохи хозяйки: миссис Пинкс не спала, она все еще переживала потрясение сегодняшнего дня и потерю надежной квартирантки. Соседи, которые могли заметить ночного гостя, давно отправились на ночной покой.

Маршалк бродил по квартире как призрак. Ступал осторожно. Он не знал, чего ищет. Почувствовав опасность, Кларисса должна была оставить знак, понятный только ему. Знак незаметный и простой, который не смог бы расшифровать посторонний. Тем более убийца. Беда в том, что Маршалк не знал, какой это должен быть знак. Он знал лишь только, что в руки Клариссы попало нечто ценное, но что именно – у нее уже не спросить.

Потайной фонарь разгорелся. Мутное пятно света было почти незаметным в темноте. Лейстред или Смит провели тщательный обыск, постарались от души. От системного порядка не осталось и следа. Была проверена каждая щелочка. Все, что можно было перевернуть, они перевернули. Убирать за собой полиция даже не думала. Книги из небольшого шкафа были вынуты и сложены рядами, как стояли. Наверняка простукивали стенки. И пролистали страницы. Но не особо тщательно. Вероятно, вещь нельзя было спрятать между страницами. Ничего не указывало на то, что Смит нашел, что искал. Маршалк заглянул в замочную скважину: с той стороны двери белела полоска бумаги с росчерком. Помещение было опечатано. Полиция и мистер Смит оставляли за собой право рыться здесь, сколько потребуется. И это вселяло надежду.

Повторять ошибки других – печальное занятие. Но где Кларисса могла оставить весточку только для него? Она хорошо знала его привычки. Маршалк вернулся к сиротливым книгам. Книга вне шкафа всегда сирота.

Томики жались друг к другу голодными щенками. Кларисса предпочитала дешевые криминальные романы. В желтом пятне света были еле различимы названия на корешках.

Среди книг новой печати фонарь высветил затертую кожу ин-кварти. Маршалк узнал сразу: первое издание пьес Шекспира. Вождеденная мечта всех букинистов. Он открыл обложку. Это оно!

Насладиться долгожданным счастьем было не суждено. Как часто бывает с влюбленными. Внизу хлопнула дверь, раздались крики множества голосов, среди которых выделялся визгливый тенорок Лейстред, по лестнице загрохотали каблуки. В распоряжении Маршалка остались считанные секунды.

Он бросился в ванную. В этот раз ускользнуть незаметно у него не получится, но сейчас это не важно. На дальнем откосе крыши соседнего дома, боязливо балансируя, двигалась группа констеблей, человек десять, не меньше. К визиту гостя приготовились основательно, обложили со всех сторон. Выбора у Маршалка не оставалось. Он нарочно выбил стекло. Грохот осколков отвлек внимание преследователей, и дал беглецу фору в несколько бесценных секунд. Одним рывком он взлетел на крышу дома миссис Пинкс, сжался, как кот перед прыжком, и бросился прочь.

Темнота играла за Маршалка. Он знал, что у полицейских нет оружия – только дубинки. Он бежал, низко пригибаясь, петляя меж печных труб. И вдруг что-то ударило в полу плаща. Следом долетел звук выстрела. Для буйволового кожи укус свинца, как комариный. С ног не свалил и царапины не оставил. Но заставил спешить. Позади раздавались еще и еще хлопки, теперь Маршалк не обращал на них внимания. Полицейским до него уже не добраться.

Пробежав по крышам квартала, он спрыгнул в глухую щель меж домами, по ошибке считавшуюся двориком, скинул плащ и вывернул его наизнанку. Меньше чем через минуту из темноты на улицу вышел неприметный горожанин в сером, наглухо застегнутом пальто. Не торопясь, гражданин дошел до первого паба, в котором шумные работы завершали еще один трудный день, заказал себе пинту эля и устроился в дальнем углу зала, где хорошо просматривалась входная дверь, а над столиком располагалось окно, грязное и заляпанное, зато ведущее во двор.

Он держал ин-кварти Шекспира, томик, за которым охотился, как за собственной тенью. Он был уверен: его оставила Кларисса. Все равно – другого шанса искать от нее послание больше не будет. Лейстред теперь заляжет в засаду под кроватью. И в этот раз не промахнется. Перелистав страницы, Маршалк испытал наслаждение известное немногим, когда твои пальцы касаются живой истории, ощупывая ее, словно живое существо. Бумага была плотная, шершавая, листки тронуты плесенью и жирными отметинами, буквы плясали нестройным хором, но неопрятная книга была дороже сафьянового альбома с золотым корешком.

Еще раз просмотрев каждую страницу от конца к началу, Маршалк убедился, что на них ничего нет. Кларисса не посмела бы испортить издание даже карандашными пометками. Оставался корешок. Маршалк с нежностью и страхом изогнул томик и тихонько потряс. На стол выпало писчее перышко. Оно было ржавое, ломаное и старое. Но не настолько старое, чтобы родиться в XVII веке: знакомый фабричный штамп на нем виднелся отчетливо. Теперь Маршалк знал все, что нужно. Остались мелкие детали.

* * *

Ливнев отчаянно боролся со сном. Только страх перед ужасным гостем держал его в относительно вертикальном положении. Чиновник клевал носом и рисковал разбить его о поверхность стола. В канцелярии посольства он пребывал в одиночестве.

– Спать на посту – преступление.

Голос взбудрил лучше колокола. Ливнев подскочил, не до конца проснувшись, и отчаянно вытаращил глаза.

– Простите... – запинаясь, пробормотал он. – Я случайно... Который час?

– Скоро полночь. Документы готовы?

Чиновник указал на стопку учетных книг. Этого оказалось мало. От него затребовали книгу хозяйственных расходов, а также закрытые дела, проходившие через посольство. Ливнев исполнил все, что от него требовали. В благодарность ему предложили убираться. В такой час это можно было считать подарком. Чиновник поклонился и отправился спать в дежурную комнату. Благо добраться до квартиры сил у него не осталось. Канцелярия оказалась в полном распоряжении Маршалка.

Записи указывали на то, что Кларисса была в посольстве перед отправкой тревожной телеграммы. Скорее всего, побывав тут, она сразу отправилась на телеграф.

Маршалк отложил гроссбух. Настал черед хозяйственной книги. Линованные листы содержали подробный отчет: где посольство закупает провизию, сколько тратит на мелкий ремонт и приемы, где шьют официальные мундиры и прочие полезные сведения. О бытовых заботах дипломатов Маршалк узнал все, что хотел. Оставалось совсем немного: найти то, ради чего Кларисса отдала жизнь.

Он взглянул на архивный шкаф. Мелкая деталь бросилась в глаза. На нее никто бы не обратил внимания. Маршалк открыл створку шкафа и присел перед нижним рядом папок.

* * *

Аристократический квартал просыпался поздно. Посольство тоже пребывало в снах, а Маршалк вышел на улицу. Мимо него проехала тележка молочника. Зеленщик нес свежий урожай. Булочник-итальянец спешил с корзиной свежей сдобы. Жизнь бурлила. Маршалк знал, что его плащ вызывает интерес не только у лавочников. И готов был держать пари, что поблизости затаилась не одна пара внимательных глаз. Но под светом утра скрывать ему было нечего.

Пройдя несколько кварталов, Маршалк очутился в рабочем районе вблизи Темзы. И сразу нашел прачечную, адрес которой был в хозяйственной книге. Когда через четверть часа он вышел с бумажным пакетом, перевязанным бечевкой, его поджидал мистер Смит. Для торжественной встречи он подобрал дюжину крепких констеблей, державшихся за его спиной полукругом. Маршалк не выказал и тени удивления.

– Вы находитесь не на территории посольства. Могу сделать с вами что угодно, – заявил Смит.

Это заявление оставило Маршалка равнодушным. Он переложил сверток в другую руку. На него тут же нацелился указательный палец.

– Что в пакете?

– Грязное белье.

– Предъявите к досмотру.

Кулек полетел в Смита. Он ловко поймал его, не хуже игрока в регби, и без церемоний разодрал желтую бумагу. На тротуар выпала измятая сорочка. Смит перетряхнул ее со всех сторон и швырнул под ноги.

– Все свободны!

Констебли послушно разошлись в разные стороны. Не иначе сонных бедолаг согнали со всего полицейского округа.

Смит подступил излишне ближе, чем предписано правилами этикета.

– Можем договориться по-джентльменски? – спросил он.

– Смотря о чем.

– Прошу вас вернуть то, что нашли. Обещаю, что благодарность наша будет достойной. Вещь эта не особо опасна, но не предназначена для посторонних.

– Не могу.

– Назовите цену.

– У меня ничего нет. Баул с книгами не в счет.

– Какими книгами? – не понял Смит.

– Те, что краду по всей Европе. Страсть, ничего не поделать. Попросите ваших таможенников не сильно в них рыться. Книги боятся чужих рук.

Смит смерил Маршлака испепеляющим взглядом. Взгляд, подобный этому, вполне мог прожечь легкую материю, но плащ буйволиной кожи выдерживал не такое.

– Вы об этом сильно пожалеете.

– Не сомневаюсь. – Маршалк подобрал сорочку, кое-как упаковал в бумагу и повернулся спиной к Смицу. Он надеялся, что, в случае чего буйвол выдержит револьверную пулю даже с близкого расстояния.

* * *

Граф Бенкендорф испытывал редкую смесь чувств, в которых омерзение сменилось ужасом. То, что он увидел на снимках, предъявленных ему Маршалком... Нет, лучше такое не видеть никогда.

– Ради этого мадемуазель пошла на смерть? – спросил он.

– Ради того, чтобы у русской дипломатии был козырь в рукаве.

Ну разумеется: козырь. Да еще какой. Всем известно, что славный король Эдуард питает слабость к симпатичным барышням. Однако то, что предстало на снимках, открывало его величество с такой стороны, что... Если снимки попадут в газеты – конец монархии. В лучшем случае. Бенкендорф понимал, какой бесценный подарок сделал неприятный человек. Особенно накануне международной конференции в Лондоне. Можно было прозрачно намекнуть, что у русских имеется нечто взрывоопасное для британской короны. И получить все, что захочешь. Успех переговоров обеспечен... Но нет, это было бы слишком мерзко и грязно.

– Где вы нашли... это?

– В канцелярии.

– В нашей канцелярии?

– Кларисса спрятала там, где никто не подумает искать. Кроме меня.

– Делаете комплимент вашему уму?

– Мне была оставлена подсказка.

– Какая?

– Она завязала две папки дел одинаковыми бантиками. Осталось только забрать фотографии в одной из них.

По правде говоря, Бенкендорф ничего не понял, но выучка дипломата помогла.

– Кто еще об этом знает? – спросил он.

– Никто.

Ответ давал небольшую надежду.

– Прошу вас сохранять полную конфиденциальность.

Клясться было не в чем, Маршалк промолчал.

– Благодарю за службу. Об успешном завершении дела и о вашей работе будет доложено министру. Хочу лично ходатайствовать о вашем награждении... Сегодня уезжаете? – с надеждой спросил Бенкендорф.

– Осталось мелкое личное дело.

– Доброго пути. – И граф целиком окунулся в срочные циркуляры. Даже руки не подал на прощание.

Закрыв за собой дверь кабинета, Маршалк подождал. И принялся. Потянуло горелой бумагой.

– Беспечная слабость.

Слова эти были сказаны так тихо, что услышать их было некому. Даже стенам.

* * *

Борис Георгиевич наслаждался ланчем в обществе Ливнева. Приятная беседа была испорчена малосимпатичным гостем. Маршалк уселся за стол без приглашения.

– Господа, любите криминальные романы?

Ванзаров кивнул из вежливости. Ему и брата хватало.

– Чудесная история. Барышня раздобыла тайну, которая могла помочь ее стране. За это ее убили.

Повисла пауза. Дипломаты ждали. Продолжения не последовало.

– Это все? – удивленно спросил Борис Георгиевич.

– Убили жестоко. Пользуясь превосходством в силе, раздели донага, связали, стали жечь раскаленной кочергой, требуя признания. Она молчала.

– Какой ужас...

– Девушка не знала предела своих сил. И умерла от боли. Ее тело подвесили в дымоходе камина. Идея неплоха: квартиру сдадут нескоро, запах к тому времени выветрится.

– Подобные истории мало подходят полуденному чаю, – осторожно заметил Ливнев.

– Именно так, – согласился Ванзаров. – Зачем же вы?..

Маршалк с коротким замахом бросил белый комок. Ливнев отпрянул, но сорочка попала ему на грудь.

– В прачечной рук не хватает. Каминную гарь застирать не успели. На планке ваши инициалы. Ванзаров, несите лопату.

– Зачем? – механически ответил Борис Георгиевич.

– Закопаем в посольском садике крысу.

Сорочка небрежно легла на столик, Ливнев что-то взял со столешницы.

– Только одну просьбу исполнили или давно трудитесь? – спросил Маршалк у Ливнева.

Борис Георгиевич не смел шелохнуться. Замер с блюдцем и чашкой в руках. Ливнев улыбнулся. Все случилось внезапно. Он бросился к Ванзарову, закрылся им как щитом, и прижал лезвие фруктового ножика к горлу дипломата.

– Дайте мне уйти. Никто не пострадает, все будут довольны... – Ливнев попятился от стола, волоча за собой Ванзарова. – Не думайте обо мне дурно, Маршалк. Это всего лишь забота о сытной пенсии в маленьком доме где-нибудь в Девоншире. Простите, если сможете.

Ливнев пятился уверенно и не спеша. Остановить его было некому.

– Ты убил честную и преданную женщину.

Маршалк подхватил со стола десертную вилку и, сделав короткий замах, метнул в Ливнева. Сверкнула серебряная молния, и вилка вонзилась в глаз Ливневу. Нож выпал из его руки. Ливнев схватился за рану и, жалобно и беспомощно заскулив, упал на колени.

– Не прощаю, – коротко сказал Маршалк.

* * *

После третьей порции виски Борис Георгиевич отчасти пришел в себя и мог говорить. Потрясение было сильным. Все-таки не каждый день тебя берут в заложники. Он дождался,

когда Маршалк выйдет от посла, который провожал его с виноватым лицом, и бросился к нему на встречу.

– Позвольте выказать... Позвольте принести... Позвольте выразить вам... – Язык еще не слушался дипломата.

Кивком Маршалк принял благодарность. Борису Георгиевичу этого было мало. Его пробрало основательно. Пережитый страх еще не забылся. Он больше не мог терпеть.

– Господин Маршалк, позвольте вопрос?

Ему позволили.

– Для чего такое варварство?

– Кларисса должна была заговорить. Не умирать. Ее смерть в планы не входила. Пытка – дело тонкое, уметь надо, – сказал Маршалк.

– Но зачем же бедняжку в дымоход засунули? Пусть бы лежала себе...

– Правильный вопрос. Главный вопрос. В этом ключ. Если Кларисса мертва, значит, заказ Ливнев провалил. Концы обрублены. Потому она должна была исчезнуть. Чтобы мистер Смит и компания так думали. Как можно дольше. Это для них было сделано. А там Ливнев как-нибудь выкрутится. Не вышло. Перемудрил.

Маршалк счел беседу оконченной. Но Борис Георгиевич в восторге воскликнул:

– Вы... вы!.. Вы потрясающий талант, Маршалк! Мой брат ногтя вашего не стоит!

Маршалк обернулся.

– Ваш брат – великий сыщик. Такой рождается один на миллион.

– Вот уж не думал...

– Думать полезно.

– Благодарю, – проговорил Борис Георгиевич, смутившись от слов Маршалка. – Что же не явите свои таланты дома?

– Тесна нам Россия с Ванзаровым. Решили поделить.

– Поделить Россию?

– Россию делить нельзя. Она досталась Ванзарову.

– А вам?

– Все остальное.

– Это что же: Польша с Финляндией? Туркестан?

– Мир. Ну, и вселенная...

И тут Маршалк сделал то, чего ожидать от него было невозможно: он хитро подмигнул. Или Борису Георгиевичу это показалось?

Подхватив, будто легкий ридикюль, ужасный чемодан, наполненный старинными фолиантами, страшный и непонятный человек, шурша черным плащом, исчез за дверью.

И вновь Борис Георгиевич испытал приступ нехорошего чувства: ему почудилось, что с этим господином они еще свидятся. И Ванзаров заранее был этому не рад. Неблагодарные, в сущности, эти дипломаты. Isn't it, господа?

Валерий Введенский Лошадка класненькая

Сочельник начался буднично: сперва чиновник по поручениям Яблочков доложил Крутилину о происшествиях, случившихся ночью, – слава богу, ни убийств, ни крупных ограблений; потом агенты по очереди отчитались по вчерашним поручениям и получили сегодняшние. Затем Иван Дмитриевич разобрал поступившие бумаги: прошения, жалобы, телеграммы, доносы, а заодно испил чай с бубликами. И немедля приступил к приему посетителей, которых каждый день в сыскное приходит не меньше десятка. И все с одним и тем же: а нельзя ли посадить в тюрьму любовницу мужа? Ну как за что? За воровство! Супруг, считай, единственная ценность, кормилец-поилец, а дрянь этакая хочет его заграбастать. Или столь же типичное: начитавшись Стивенсона, сбежал к пиратам десятилетний отпрыск почтенной семьи. Описания и фотографии всюду разосланы, но пока не найден. Нельзя ли во все концы империи агентов отправить на его поимку?

Последним на полусогнутых вошел в кабинет коллежский регистратор Петрунькин. Одет был в нечто, когда-то давно именовавшееся шинелью, в руках вертел сшитую из меховых обрезков шапку. Скулу Петрунькина украшал синяк. Присесть не решился, тихо пробормотал:

– Ограбили меня, ваше высокоблагородие.

– Когда, где, в участок заявили? – перебил его Крутилин, желая придать беседе ускорение. Иначе мямлить будет до ужина.

– Вчера у лавки Тышова...

Ай, молодец, спасибо, что напомнил... Супруга поручила Ивану Дмитриевичу съездить туда за подарком сыночку. Пятилетний Никитушка мечтал получить на Рождество деревянную лошадку со съемным седлом и подставкой-качалкой, к которой крепятся колесики. Хвост игрушки был сделан из настоящих конских волос, а фигура обтянута выкрашенной в ярко-красный цвет натуральной кожей. С такой «лошадкой класненькой» Никитушка игрался в гостях у сына присяжного поверенного Тарусова. С тех пор только о ней и говорил. Стоила игрушка недешево, четыре с полтиной, потому Крутилины решили подарить ее на самый главный после Пасхи праздник – Рождество.

Только бы не забыть о лошадке!

– ... стукнул, я и упал, – продолжал тем временем делиться своей бедой Петрунькин.

– Кто, простите? – вынужден был уточнить потерявший нить разговора Крутилин.

– Вы меня не слушали? – спокойно, без гнева, почти обреченно спросил Петрунькин.

– Виноват, задумался. Так вы сходили в участок?

– А как же. Однако помощник пристава сказал, что подавать заявление не надо. Что когда деньги отыщутся, он сам меня вызовет. Всю ночь я ломал голову – а как он поймет, что эти шесть рублей мои? Я не хотел расстраивать Ивана Осиповича, но он, заметив синяк, вызвал к себе, а выслушав, направил к вам. Сказал, что поможете, непременно поможете. Просил передать, что счастию своему исключительно вам обязан.

– Иван Осипович? Это рябой такой, с рыжими усами? – почесал бакенбарды Крутилин, пытаясь вспомнить.

– Нет, что вы! У его высокоблагородия усы седые...

– ...орлиный нос, выдающийся подбородок, заикается?

– Верно.

История знакомства с Иваном Осиповичем была мерзопакостной. Из его квартиры пропали драгоценности. Подозрение пало на гувернантку. Но оказалось, что Иван Осипович в

нее влюблен. А его жена отчаянно ревнует и, чтобы вернуть мужа, инсценировала ограбление, сдав драгоценности в ломбард.

В результате супруги разъехались.

– Пулю бы в лоб пустил, кабы Мусенька из-за побрякушек на каторгу пошла, – сказал тогда на прощание Иван Осипович, сжимая Крутилину руку. – Век вас не забуду.

И теперь, видимо, в знак благодарности «прислал» под Рождество ограбленного подчиненного.

– Рассказывайте с самого начала, – велел Петрунькину Крутилин.

– Дочка у меня, Глашенька. Умница, красавица, вся в покойную мать. Семь лет в марте исполнится. Если доживет. Болезнь потому что смертельная. Чахнет на глазах, весит будто трехлетка. К кому ее только не возил... Однако все разводят руками. Мол, с кровью что-то не так. А что именно и как лечить, никто не знает. Вернее, каждый профессор уйму лекарств назначает, но ни одно из них не помогает. Чует мое сердце, скоро Глашенька к моей Алене Ивановне отправится. – Петрунькин достал платочек, чтобы вытереть крохотную слезу, покотившуюся из глаза. – Попросила на Рождество швейную машинку детскую. Я бы и рад. Да только жалованья кот заплакал, все до последнего грошика уходит на лекарства и няньку. И кабы не Иван Осипович... Стоит-то машинка ого-го, шесть рублей! Но его высокоблагородие, войдя в положение, одолжил. И велел не беспокоиться. Мол, когда верну, тогда и верну. На радостях я сразу на Староневский побежал, к Тышову.

– Вчера дело было? – уточнил Крутилин.

– Верно.

– Бегу и мечтаю, вдруг скидку дадут? Вдруг царапина на машинке или скол? Солидный покупатель ни в жизнь такую не возьмет, а мне счастье. Я бы тогда и гуся купил, и мандаринов. А еще квартирохозяину заплатил хотя бы за август. А то вдруг у него терпение лопнет?

– Итак, вы пришли в лавку. – Крутилин решил вернуть Петрунькина к ограблению.

– Да, да, пришел, занял очередь. Народу, сами понимаете, тьма. Что понятно, канун сочельника, каждый родитель должен подарок ребенку купить. Наконец подошла моя очередь, я «здрасьте», а приказчик в ответ волком смотрит, вид-то у меня не аванажный. Показываю ему на швейную машинку и спрашиваю, нет ли такой же, но со сколом? Даже ответа не удостоил, закричал «следующий». А за мной солидный господин занимал, верно, из банкиров: бобровая шуба, под нею фрак английского сукна, цепочка на пузе золотая, трость с набалдашником из слоновой кости. Этой тростью он меня от прилавка и отодвинул. Стою, ругаюсь на себя, мол, «не гонялся бы ты поп за дешевизною», а что делать, не знаю. Решил было в очередь заново встать, но сзади меня дернули за рукав:

– Эй, барин...

Я повернулся. Молодой человек, одет по-простому.

– Что вам угодно?

– В лавке про товар с изъяном спрашивать нельзя. Они-с репутацией дорожат. Вишь, какой покупатель здесь? Нам не чета. А вот ежели сзади зайти, там пожалуйста. Хошь провозу? Всех там знаю. И машинка нужная имеется, за три рубля отдадут.

Я чуть было не расцеловал молодого человека. Вышли мы на проспект, обогнули лавку, там он меня и приложил. Словно не кулак у него, а гиря стопудовая. Ойкнуть не успел, свалился.

– Кастетом бил, – объяснил Крутилин.

– Когда очнулся, лавка была уже закрыта. Я поплелся в участок. Что было дальше, рассказывал...

Крутилин вздохнул. Такие дела должна расследовать наружная полиция. Но народец там подобран некалиброванный: и лентяи попадают, и такие, что за долю от мазурика глаза на преступление закроют. Эх! Конечно, хотелось домой – сочельник на носу, надо бы

и отдохнуть перед Всенощной – придется повременить, Петрунькину помочь, потому что дочку его жалко до слез – последнее у девочки Рождество. И мечта последняя.

Так, так... Старшего агента Фрелиха переоденем в рваную шинель (такая в гардеробе сыскного отделения как раз имеется), будет весь день выпрашивать в лавке Тышова дорожную игрушку с изъяном. Вдруг преступник захочет снова провернуть принесшую удачу комбинацию. Авань, и поймаем... А ежели нет? Иван Дмитриевич решил, что при любом исходе купит несчастной Глашеньке машинку.

– Что ж! Ступайте обратно в присутствие...

– Нет, нет! Иван Осипович отпустили насовсем. Потому что нянька велела прийти сегодня пораньше, ей домой надо, стол готовить. Праздник!

– Адресок свой напишите. Как поймаю мерзавца...

– Неужто поймаете?

– Обещаю!

– Всю жизнь за ваше здоровье свечку буду ставить.

Крутилин сунул в карман записку с адресом и готов был распрощаться, однако на всякий случай задал дежурный вопрос. А вдруг?

– Внешность нападавшего не разглядели? Может, особые приметы?

– Ой, простите, хотел с того начать. Но пребываю в таком волнении... У него мизинца не хватает на левой руке.

– Что ж молчали? – Крутилин два раза дернул за сонетку.

Буквально через секунду – сыскная занимала весьма скромное помещение в Адмиралтейской части – в кабинет зашел делопроизводитель.

– Дело Колударова. Живо, – велел Крутилин.

– Старшего? – уточнил подчиненный.

– Младшего, – рявкнул Иван Дмитриевич.

Поиски заняли минут десять. На подшитом к делу фотографическом портрете Петрунькин опознал нападавшего. Крутилин снова дернул за сонетку, теперь не два, а всего лишь раз, и в кабинет зашел чиновник для поручений Яблочков.

– Пора тебе размяться, Арсений Иванович. Бери двух агентов, только обязательно с револьверами, и лети в Пески. Задержишь там сего голубчика. – Крутилин указал на фото-портрет.

– Адрес?

Крутилин пролистнул дело. Адрес почему-то не указан. Как выглядит дом, Иван Дмитриевич помнил, но вот улицу и номер, хоть убей:

– Сам покажу.

Крутилин велел агентам обогнуть старый одноэтажный домик и занять позицию на задворках – младший Колударов прыток: и с чердака способен сигануть, и через окно выбраться. Сам же в сопровождении Арсения Ивановича прошел к двери и постучал. Им открыл плешивый старик, одетый в рубаху навывпуск и старые с дырками портки.

– Никак Иван Дмитриевич? – спросил он, заслоня ладонью яркое зимнее солнце.

– Не ждал?

– А в честь чего? Для сыскарей я уже помер. Давно на пенсии. Только не платят ее почему-то. Хе-хе...

Когда Минай Колударов в силе пребывал, зарабатывал на жизнь грабежом. Да столь ловко, что на каторгу так и не попал. Когда же по возрасту от лихих дел отошел, эстафету перенял его сынок.

– Поговорить надо, – заявил Крутилин.

– Ну говори, только, не обессудь, слышу плохо, через слово.

- В дом пошли...
- Не прибрано, старица моя болеет...
- А Васек вам на что?
- Кто-кто?
- Васек.
- Значит, и у тебя с памятью беда. Я-то думал, у одного меня расстройство. Ты ж, Иван Дмитриевич, Ваську в арестантские пристроил. Неужто забыл?
- Вышел уже.
- Вышел? Счастье-то какое. Феклушка, Васечку отпустили!
- Тут у Крутилина терпение закончилось:
- Хватит, Минай, кончай балаган. Пошли в дом.
- А Яблочков для убедительности сунул в бок Колударову револьвер.
- Сплошное нарушение прав, – пробурчал тот, однако посторонился.
- Из светлицы раздался старушечий голос:
- Кто к нам? Дохтор?
- Крутилин, – громко крикнул ей Колударов.
- Супружница от такого известия раскашлялась.
- Говорю, больна, а ты не веришь. Чахотка у Феклы, – горестно посетовал хозяин дома.
- Через сени прошли в светлицу. Старуха лежала на печи, из-за кашля даже не поздоровалась.
- А ну, спустись, – скомандовал ей Крутилин.
- Пожалейте умирающую, господин начальник. Али вы нехристь? – заступился за супругу Колударов.
- Ты на жалость мою не дави, – посоветовал ему Иван Дмитриевич. – Скажи лучше, где Васек, тогда от Феклы и отстану.
- Знать того не знаем, – ответил Колударов, не отводя глаз от сверлящего его взглядом Крутилина.
- Яблочков подошел к печи, схватил старуху за тощую руку:
- Спускайся вниз.
- Та, не переставая кашлять, спустила ноги, накинув платок на плечи.
- Возьми ухват, привстань на табурет, пошевели им поглубже, – приказал Арсению Ивановичу Крутилин.
- Никого, – доложил Яблочков, в точности исполнив поручение.
- Что я говорил... – начал было Колударов, однако начальник сыскной его оборвал:
- Заткнись. – И на Феклу прикрикнул. – И ты, дура, заткнись со своим кашлем, не то пристрелю...
- Старуха в ужасе замолкла. Зато храп, что чудился Крутилину с самого входа в дом, стал слышен отчетливей. Только вот откуда раздается?
- Подпол, – понял Яблочков.
- Сыщики огляделись. Пол настелен из длинных досок. Где же лаз?
- Сундук, – догадался Арсений Иванович и ремингтоном указал на него. А Фекла неожиданно обеими руками вцепилась в его оружие. Яблочков растерялся – если бороться, так и пристрелить недолго. Или старуху, или себя.
- Крутилин достал револьвер и приложил к голове Миная:
- Фекла, не дури.
- Отпусти, – вторил ему Колударов. – Видать, такая у Васьки судьба. Не успел выйти, как идти опять.
- В этот раз на каторгу его упеку, – пообещал Крутилин. – Потому что совести у Васьки нет. Последнее отымают. Да у кого? У умирающего ребенка!

– Молодой потому что, аще без понятий, – согласился Минай.

– Отодвинь сундук и вели выходить.

Васек, пошатываясь из сторону в сторону, вылез, спяну полез к Крутилину целоваться. Его отец сел на сундук и обхватил голову руками. Старуха принялась собирать сыночка в казенный дом. Тот, глупо улыбаясь, пытался ее успокоить:

– Не волнуйтесь, маманя, не впервой. Примут как родного.

Яблочков обыскал негодяя. Из похищенных шести рублей остался один.

Крутилин вытащил из бумажника червонец с полтинником и протянул Яблочкову:

– Я с агентами доставлю арестованного, а ты езжай на Староневский. Лавку Тышова знаешь?

– Где игрушки?

– Ага! Купишь там машинку швейную и лошадку красненькую...

– Парнокопытное Никите Ивановичу предназначено? – предположил Арсений Иванович.

– Как ты догадлив! Лошадку отвезешь на Кирочную. Только поаккуратней, чтоб Никитушка не увидел. А машинку доставишь в сыскное, вечером Петрунькину занесем.

Младший Колударов усмехнулся:

– Поцарапать ее не забудь. Фраерок траченую хотел.

Крутилин не сдержался, врезал так, что Васька упал.

Вечером опять бумаги, опять посетители. Последним вошел старик Колударов.

– Чего тебе?

– Хошь на колени встану?

– Что я тебе, икона? Говори, зачем пришел. Только быстрее.

– Отпусти Васечку. Клянусь, больше о нем не услышишь.

– В монахи пострижешь?

– В монастыре Васечке делать нечего, плохо у него с послушанием. Строго-настрою ему запретил шалить до отъезда. А Василию хоть плюй в глаза, все божья роса. Послал вчера за лекарством, а он решил денюжат срубить по легкой... Из-за чертовых шести рублей теперь мать угробит. Не поедет она без него.

– Куда не поедет?

– В Крым. Доктора говорят, только там Фекла поправится. Отпусти Ваську, Иван Дмитриевич. А я твоему терпиле тиснутые алтушки возьму. И сверху подкину. А тебе барашка зашлю...

– Еще слово, рядом с Васькой посажу...

– Черствый ты человек, Иван Дмитриевич. А ведь и у тебя сынок подрастает, – сказал в сердцах Колударов, выходя из кабинета.

Коллежский регистратор Петрунькин тоже попытался плюхнуться на колени, но и ему Крутилин сделать этого не позволил. А уходя, сунул несчастному червонец, чтобы с долгами рассчитался – судя по обстановке в полуподвале, заложил он все, что только мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.